

Интеллигенция как категория капиталистического строя

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
И73

И73 Интеллигенция как категория капиталистического строя / – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-458-16390-3

ISBN 978-5-458-16390-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

шихъ цифрахъ, какъ средній законъ дающій себя знать чрезъ безконечное число отклоненій. Но если мы хотимъ вычислить дѣйствіе отдѣльной машины, мы должны возвратитъ ей свойства, которыя первоначально предположили несуществующими, но которыя ей прирождены. Абстрактную, невѣсомую машину мы должны возстановитъ въ ея плоть и кровь. Контъ совершенно вѣрно думаетъ, что это «возстановленіе и составляетъ нашу главную трудность». Перейти отъ абстрактной механики къ конкретной трудно, отъ абстрактной экономіи къ конкретной еще труднѣе, отъ абстрактной социологіи къ конкретной совершенно невозможно, или, по крайней мѣрѣ, еще очень долго будетъ невозможно.

Поэтому дѣленіе социологіи на абстрактную и конкретную и точное разграниченіе сферы обѣихъ было бы для науки въ высшей степени плодотворно. Абстрактная социологія въ ея современномъ положеніи обладаетъ единственнымъ методомъ изслѣдованія—гипотетическимъ.

Подъ страхомъ затеряться въ безконечномъ лабиринтѣ случайностей, она должна считаться только съ коренными взаимодействіями общественныхъ силъ, уединять ихъ. Выведенные законы будутъ общи и могутъ терпѣть въ жизни безконечное число отклоненій. Если мы хотимъ примѣнить ихъ къ тому или другому жизненному явленію, то должны «возвратитъ тѣламъ дѣятельныя свойства, которыя имъ прирождены, но которыя мы предположили не существующими». Операція перехода отъ абстрактной социологіи къ конкретной должна быть произведена крайне осторожно, на основаніи строго научнаго наблюденія (преимущественно статистическаго). Поступать иначе, переносить начала абстрактной экономіи въ жизненные законы конкретной—значитъ производить всеобщій хаосъ какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Представьте себѣ только картину: талантливый, но пылкій послѣдователь Рикардо является на биржу; съ пылающимъ лицомъ начинаетъ онъ доказывать биржевымъ маклерамъ, что они напрасно играютъ на вздорожаніе каменнаго угля; нѣтъ повода думать, что стоимость его производства повысится.

Какъ примутъ маклера эту неожиданную проповѣдь? Чѣмъ они отвѣтятъ? Смѣхомъ.

Политическая экономія гораздо добродушнѣе маклеровъ. Она любезно уступаетъ свои страницы подѣ такой анализъ научныхъ вопросовъ, мѣсто которому на рынкѣ, на биржѣ—гдѣ хотите, но только не въ ученыхъ работахъ. Много споровъ происходитъ отъ того, что люди съ несомнѣнными спекулятивными способностями, вмѣсто того, чтобы извлекать на биржѣ барыши, занимаются ихъ научнымъ обоснованіемъ.

Но и защитники гипотетическаго метода сами отчасти виноваты въ томъ, что онъ еще не получилъ всеобщаго признанія. Они склонны преувеличивать значеніе этого метода.

Путемъ гипотетическаго метода мы можемъ, напримѣръ, прійти къ заключенію, что война *вообще* вредна.

Переводчикъ и комментаторъ Милля выводитъ отсюда, что всякая *данная* война непремѣнно должна быть для страны вредна. Иллюстрируемъ его ошибку на доступномъ для всѣхъ примѣрѣ. При лоттерей всѣ въ общей сложности должны проиграть, иначе не было бы расчета устраивать ее. Но развѣ можно вслѣдствіе этого съ увѣренностью сказать, что извѣстное лицо непремѣнно вынеть несчастный билетъ. Благодаря гипотетическому методу, мы можемъ предсказать побѣду четвертаго сословія. Мы не ошибемся. Вся исторія права идетъ къ постепенному ограниченію объектовъ собственности и рано или поздно наступитъ время, когда орудія производства не будутъ находиться въ исключительномъ обладаніи. Поэтому мы смѣло можемъ заключить о торжествѣ четвертаго сословія. Но было бы въ высшей степени рисковано на основаніи общаго гипотетическаго вывода о торжествѣ четвертаго сословія заключать, что декавильская стачка окончится успѣшно для труда. Множество второстепенныхъ силъ нужно принять во вниманіе, если мы хотимъ разсмотрѣть не тенденцію времени, не судьбу пролетаріата, а частное явленіе: декавильскую стачку.

Въ предлагаемой работѣ мы придерживаемся строго гипотетическаго метода, а потому и сочли нужнымъ оговориться о предѣлахъ его законности. Мы не утверждаемъ, что судьбы интеллигенціи выльются въ тѣ схемы, которыя мы начертали. Это не болѣе какъ возможность, на ряду съ которой мы легко представляемъ себѣ десятки другихъ. Но въ качествѣ тенденціи времени, наша схема имѣетъ полное право на научную достовѣрность. Мы просимъ читателя ни одной минуты не забывать этой оговорки. Если принципъ капитализма вполне воплотится въ историческихъ формахъ, тогда судьбы интеллигенціи стремятся быть приблизительно такими, какими мы ихъ изобразили. Произойдетъ ли это на самомъ дѣлѣ, много ли времени потребуетъ предсказываемый переходъ и въ какія формы онъ облечется—все это вопросы конкретной социологін, на которые мы напрасно стали бы ждать отвѣта у гипотетическаго метода.

Еще одно предварительное замѣчаніе.

Европа и Россія находятся на различныхъ стадіяхъ экономическаго и социальнаго развитія. Въ западной Европѣ общественные классы рѣзко выдѣлились и блестящій лучъ анализа Маркса на далекомъ пространствѣ освѣтилъ ихъ поступательное шествіе. Россія теперь находится на распутьи. Какъ пойдетъ ея дальнѣйшее развитіе, обязательно ли для общины искупить грѣхи свои въ горнилѣ капитализма, чтобы выйти оттуда очищенной въ высшей социалистической формѣ, минуетъ ли насъ тяжелая чаша искупленія—все это вопросы,—отвѣты на которые можно почерпнуть пока въ области вѣры, а не изъ строго научнаго убѣжденія. Поэтому въ своей работѣ мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду Европу. Каждый разъ, когда приходится говорить о Россіи, мы специально на это указываемъ.

Вотъ и все о чемъ мы хотѣли предварительно условиться съ читателемъ, прежде чѣмъ вводить его въ сложный лабиринтъ капиталистическаго строя.

Теперь въ дорогу!

II.

Стоимость интеллигентнаго труда. Имѣетъ ли интеллигентный трудъ стоимость? Опредѣленіе величины ея. Отношеніе стоимости къ историческимъ категоріямъ.

На самомъ порогѣ нашего изслѣдованія мы должны сдвинуть своего рода философскій камень, которымъ предыдущіе писатели загромождали входъ въ храмъ истины. Имѣютъ ли продукты интеллигентнаго труда стоимость? Производителенъ ли интеллигентный трудъ?

Прежде разрѣшенія этихъ вопросовъ, постараемся точно условиться относительно терминовъ. Оговорка тѣмъ болѣе необходимая, что мы не намѣрены устанавливать основныя положенія стоимости, цѣнности, цѣны, а будемъ принимать ихъ, какъ уже выработанные догматы.

Стоимость предмета «есть необходимое, присущее процессу образованія товара, отношеніе къ общественному рабочему времени» *).

Уже изъ этого опредѣленія Маркса можно видѣть, что стоимость есть внутреннее качество предмета, не зависящее ни отъ условій рынка, ни отъ условій сопоставленія его съ какой либо другой вещью. Стоимость образуется, выковывается внутри мастерской. На рынокъ она выступаетъ, закутанная въ плащъ мѣновой цѣнности. Общественно—необходимое время, выраженное въ продуктѣ, при оцѣнкѣ его на другой товаръ, даетъ мѣновую цѣнность. Но когда стоимость товара любуется на себя не въ шероховатой поверхности другаго такого же профаническаго товара, а въ гладкой поверхности денежнаго металла, отъ его отраженія получается цѣна. Если мы ѣ нужно или хочется, что нибудь знать, а изученіе предмета требуетъ времени и труда, стоимость этого знанія будетъ равна количеству потраченного мной вре-

*) Марксъ. Капиталъ 49 стр.

мени. Выводъ этотъ строго вытекаетъ изъ цитированнаго опредѣленія Марксомъ стоимости. Тѣмъ не менѣе знаменитый авторъ «капитала» пытается доказать, что въ изолированномъ хозяйствѣ Робинзоновскаго острова продукты интеллигентнаго труда не имѣютъ стоимости. «Робинзонъ появляется на своемъ островѣ, разсуждаетъ Марксъ. У него разнообразныя потребности, для удовлетворенія которыхъ онъ долженъ производить необходимыя работы различнаго рода; дѣлать инструменты, фабриковать мебель, охотиться, ловить рыбу. О чтеніи мы не говоримъ, потому, что нашъ Робинзонъ находитъ въ немъ удовольствіе и разсматриваетъ эту дѣятельность какъ отдыхъ» *).

Робинзонъ находитъ въ чтеніи удовольствіе—это дѣлаетъ ему честь, но это доказываетъ только, что онъ не занимается умственнымъ трудомъ до переутомленія. Охота можетъ также доставить удовольствіе не только Робинзону, но и намъ съ вами читатель и, однако Марксъ не лишитъ настрѣлянныхъ нами утокъ ихъ новой души—стоимости.

Робинзонъ на чтеніе смотритъ какъ на отдыхъ. Читая, онъ отдыхаетъ отъ мускульной работы. Но развѣ, вырубая себѣ постель, онъ не отдыхаетъ отъ умственнаго утомленія, результата изученія цѣлебныхъ травъ? Вопросы эти слишкомъ хорошо знакомы русскому читателю для того, чтобы я долженъ былъ далѣе останавливаться на нихъ. Самъ Марксъ, сопоставляя взгляды Смита и анонимаго автора на трудъ, какъ на образователя стоимости, отдаетъ предпочтеніе взглядамъ послѣдняго. «Смитъ предчувствуетъ, говоритъ онъ, что работа насколько она проявляется въ стоимости товаровъ, имѣетъ значеніе только обнаруженія труда, но понимаетъ это обнаруженіе опять таки какъ жертву спокойствіемъ, свободой и счастьемъ, а не какъ нормальную жизнедѣятельность» **). Понятно, почему Марксъ склоняется на сторону

*) Kapital. 48 стр. 3 изданіе.

**) Зиберъ, „Рикардо и Маркс“ стр. 165.

анонимнаго предшественника Смита. Стоимость въ хозяйствѣ Робинзоновскаго острова, имѣетъ практическое значеніе регулятора производства. Робинзонъ располагаетъ рабочимъ днемъ въ 14 часовъ. Комбинируя ихъ, онъ долженъ по возможности удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. 14 часовъ своего труда онъ будетъ распредѣлять между удовлетвореніемъ умственныхъ и физическихъ сторонъ своей природы, безразлично относясь къ тѣмъ и другимъ. Сравнительная настоятельность потребностей и количество часовъ нужныхъ для ихъ удовлетворенія—вотъ первобытный инвентарь Робинзона.

Также непослѣдователенъ нашъ переводчикъ Милля. Съ самаго начала своей работы, онъ прочко пытается установить положеніе, что непріятность не есть ничто присущее труду по самой природѣ вещей. Непріятность связана съ трудомъ исторической, а не логической категоріей. Вещь можетъ стоить два часа пріятнаго труда или непріятнаго—это безразлично. Во второмъ томѣ своей работы нашъ знаменитый экономистъ однако измѣняетъ себѣ. Онъ отказывается признать стоимость за продуктами труда артиста, потому, что этотъ трудъ только и хорошъ, когда доставляетъ ему наслажденіе.

Милль отказывается признать за интеллигентнымъ трудомъ стоимость на томъ основаніи, что онъ не создаетъ матеріальнаго богатства.

«Непроизводительный трудъ, говоритъ Милль *), у меня будетъ называться трудъ, не имѣющій своимъ окончательнымъ результатомъ созданіе матеріальнаго богатства». Критеріумомъ здѣсь служить такой несущественный признакъ какъ способность или неспособность труда къ кристаллизаци. Смотря потому, имѣетъ ли экономическое благо кромѣ души—стоимости еще и тѣло—матерію, Милль называетъ его производительнымъ или непроизводительнымъ. Но мы знаемъ, что для понятія экономическаго блага тѣло несущественно;

*) Милль. „Основаніе политической экономіи“ I т. стр. 64.

важна душа, важна стоимость, а она есть и въ произведеніяхъ актера, музыканта, чтеца. Человѣкъ, прослушавшій пѣвца не становится богаче, говоритъ Милль, но онъ былъ бы таковымъ, если бы купилъ пальто. Да, но съ другой стороны, слушатель оперы уже удовлетворялъ своей потребности. Когда хозяинъ пальто износить его онъ точно также не будетъ богаче. «Но онъ былъ богаче хотя одну минуту», защищается Милль. Это для дѣла не важно.

Еще менѣе удачна попытка комментатора Милля приписать большую часть интеллигентнаго труда къ непроизводительному, на основаніи чисто субъективнаго начала сравнительной настоятельности потребностей. Производительный трудъ есть трудъ, затраченный на удовлетвореніе существенныхъ потребностей; непроизводительный на удовлетвореніе роскоши. Подобная классификація есть попытка внести субъективный элементъ въ оцѣнку экономическихъ феноменовъ. Законная въ области нравственной философіи, она лишаетъ основной экономическій феноменъ—трудъ, его существенной характерной особенности—создавать стоимость. Крестьянинъ, среди своего поля, каменщикъ, созидающій дворецъ, школьный учитель, окруженный крестьянскими ребятишками, Плевако на адвокатской трибунѣ—все это работники производительные.

Нельзя вмѣстѣ съ Миллемъ выдѣлить въ одну категорію крестьянина и каменщика; нельзя вмѣстѣ съ его комментаторомъ противоположить крестьянина и учителя дворцовому каменщику и Плевако. Всѣ равно производительные работники. Трудъ нѣкоторыхъ бесполезенъ для общества, иногда прямо вреденъ—это безразлично. Это не мѣшаетъ ему имѣть цѣнность на рынкѣ. Обществу пѣтъ дѣла до того, какое значеніе придаетъ философъ-моралистъ известной потребности. Мы живемъ не въ царствѣ разума, а въ царствѣ золота. Платежныя средства и только они опредѣляютъ законность потребности.

Да и кто компетентенъ устанавливать требованія разума и морали? неужели утопистъ—ученый не знающій ни

жизни, ни людей? Всякій знаетъ, что у каждаго ученаго своя теорія, какъ у каждаго барона своя фантазія; но бароны кромѣ фантазіи владѣютъ деньгами, а потому и могутъ по своему усмотрѣнію опредѣлять производительность труда. У профессоровъ же, кромѣ фантазіи ничего нѣтъ, а потому и опредѣлять они ничего не могутъ.

Вотъ и всѣ возраженія обыкновенно повторяемые людьми, не признающими интеллигентный трудъ производительнымъ, а его продукты—обладающими стоимостью. Какъ мы старались показать,—всѣ они основаны на недоразумѣніи. Интеллигентный трудъ по большей части не создаетъ вѣшняго матеріальнаго предмета; его продуктъ не поддается осязанію. Потребительная цѣнность продукта интеллигентнаго труда не воплощается въ какомъ либо тѣлѣ. Она не имѣетъ своего носителя, или лучше сказать, носителемъ ея являются нервы человѣка. Продуктъ интеллигентнаго труда тѣсно связанъ съ человѣкомъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть сравниваемъ съ живымъ мускульнымъ трудомъ. Въ фізіологическомъ смыслѣ эти два понятія тождественны; оба они существуютъ самостоятельно только въ моментъ своего обнаруженія, когда они неразрывно связаны съ организмомъ работника. Минуту спустя мускульный трудъ уже существуетъ въ видѣ матеріальнаго объекта, а умственный, удовлетворивъ потребности, для которой предназначался, совершенно перестаетъ существовать. Такое эфирное существованіе продуктовъ интеллигентнаго труда не мѣшаетъ имъ обладать стоимостью; оно не мѣшаетъ также накапливать эту стоимость въ организмъ человѣка. Процессъ накопленія труда въ организмъ рабочаго мы называемъ его образованіемъ. Врачъ прежде чѣмъ лечить, долженъ много затратить работы на свое обученіе. Эта послѣдняя не выражается вѣшнимъ образомъ, она осѣдаетъ въ самомъ организмѣ квалифицированнаго работника и уже затѣмъ, при обнаруженіи имъ своего труда, переноситъ на послѣдній свою стоимость. Такимъ образомъ, стоимость всей дѣятельности врача содержитъ въ

себѣ кромѣ непосредственнаго текущаго труда, еще, кристаллизировавшійся въ его организмѣ, трудъ по образованію. Эта формула совершенно удовлетворила бы насъ, если бы мы имѣли дѣло съ изолированнымъ хозяйствомъ Робинзона. Но въ буржуазномъ строѣ нѣтъ—блага, которое представлялось бы результатомъ чьихъ-нибудь единичныхъ усилій. Въ капитализмѣ стоимость создается общественной работой.

Тысячи рукъ принимаютъ участіе въ поставкѣ одного и того же блага. Продуктъ дѣятельности врача есть результаты, общественной, а не его единичной работы. Столяръ дѣлаетъ парту, на которой сидитъ маленькій гимназистъ—будущая знаменитость. Ученый пишетъ для него руководство, профессоръ читаетъ юному слушателю лекцію. Все это трудъ, не имѣющій цѣлью самого себя. Учебникъ не представляетъ изъ себя готоваго, экономического блага. Онъ созданъ для того, чтобы, износившись, перенести свою стоимость вмѣстѣ съ выдолбленными страницами въ голову ученика и уже въ измѣненной формѣ вылить свою стоимость на продукты дѣятельности вызубрившаго учебникъ чловека. Слѣдовательно стоимость всей дѣятельности интеллигентнаго труженика, выразится въ трехчленной формулѣ $A + B + C$, гдѣ A—величина времени затраченнаго на образованіе интеллигента имъ самимъ, B—другими лицами и C—цѣль всѣхъ усилій, вѣнецъ всего производства—окончательная интеллигентная работа.

Для того, чтобы воспитать изъ мальчика будущаго доктора, нужно, во первыхъ прокормить его, во вторыхъ удовлетворить разнообразнымъ интеллигентнымъ потребностямъ, которые для него столь же важны какъ и пища. Удовлетвореніе первыхъ потребностей какъ желудка, такъ и мысли, не можетъ войти въ счетъ стоимости производства. Человѣкъ есть не для того, чтобы сдѣлаться докторомъ. Въ стоимость производства интеллигентнаго труженика должна войти только та работа, которая потрачена обществомъ не на жизнь вообще, а на ту спеціальную жизнь, безъ которой

не вышелъ бы докторъ. Нельзя причислить къ стоимости производства интеллигентнаго труда и тѣ затраты, которыми общество употребляетъ на общую обстановку жизни. Несомнѣнно, что трудъ судьи поддерживаетъ развитіе интеллигенціи. Онъ охраняетъ личную безопасность; несомнѣнно, что также необходимъ для развитія производства въ странѣ и трудъ каменщиковъ, строящихъ зданіе для городской думы, но какъ судья, такъ и каменщикъ работаютъ для всѣхъ и потому трудъ не можетъ войти въ стоимость какого-нибудь отдѣльнаго продукта. Въ этомъ именно смыслѣ нужно понимать положеніе Родбертуса: «всеобщая услуга и помощь, которую представляетъ все общество, есть понятіе гораздо обширнѣе, чѣмъ раздѣленіе труда съ которымъ исключительно имѣетъ дѣло производство хозяйственныхъ благъ»^{*)}.

Экономисты очень много говорятъ о рискѣ вообще и въ особенности о рискѣ при затратѣ капитала на профессиональное образованіе. Еще Адамъ Смитъ находилъ, что гонораръ адвоката вовсе не такъ высокъ, какъ это думаютъ, и, что, адвокатъ, начинающій получать выгоду отъ своихъ запятій по достиженіи, быть можетъ, сорокалѣтняго возраста, не только за продолжительное и дорого стоющее свое образованіе, но и за тѣхъ двадцать человѣкъ, воспитаніе которыхъ никогда не доставляетъ никакой пользы^{**)}, Смитъ придаетъ слишкомъ абсолютное значеніе тѣмъ формамъ общежитія, въ которыхъ онъ росъ и воспитался. Онъ никакъ не можетъ освободить экономическую сущность явленія отъ исторической формы, разграничить общественное хозяйство отъ частнаго. Общественное хозяйство не знаетъ риска. Всѣ убытки, которые общество терпитъ по 9 неудачникамъ, возмѣщаются въ стоимости продуктовъ десятаго, достигнувшаго цѣли. Завладѣетъ ли счастливецъ всѣмъ результатомъ

^{*)} Родбертусъ. *Cur Beleichtung der socialen Frage* I стр. 70, Валентиновъ въ своей статьѣ о Родбертусѣ (от. зап. 1882 г.) неправильно истолковываетъ эту мысль Родбертуса, въ томъ смыслѣ, что продукты интеллигентнаго труда не имѣютъ стоимости.

^{**) Смитъ Бог. Нар. I т. 260 стр.}